

А.В. Колмогорова

Томский политехнический университет

Телесный код культуры в речевом поведении матери

Аннотация: В статье рассматриваются особенности реализации соматического – телесного – кода русской культуры в речевом взаимодействии матери с ребенком в возрасте от 0 до 1 года. На основе многоаспектного анализа речевого материала, полученного при помощи использования метода включенного наблюдения, делается вывод о том, что именно на первом году жизни ребенок усваивает основные элементы данного кода благодаря активному использованию матерью так называемой «практики формирования позитивного отношения ребенка к собственному телу». В речевом поведении матери выявляются фонетические, лексические, грамматические, а также невербальные средства объективации телесного кода культуры.

The article deals with the problem of Russian culture body code realization in mother's language behavior. On the basis of empirical data analysis it is argued that the elements of body code relevant for Russians are taught to children in their first year via their mother's communicative practice. The specific vocabulary, grammar particularities and phonetic innovations of this practice are also presented.

Ключевые слова: телесный код культуры, практика общения, речевое поведение матери, лингвокультура.

Body code, communicative practice, mother's language behavior, linguaculture.

УДК: 811.161.1.

Контактная информация: Томск, пр. Ленина, 30. ТПУ, кафедра методики преподавания иностранных языков. Тел. (3822) 561701. E-mail: nastiakol@mail.ru.

Данная публикация посвящена анализу и обобщению результатов наблюдения за коммуникативным поведением матерей-представительниц русского лингвокультурного сообщества в процессе общения с собственными детьми в возрасте от 0 до 1 года. В процессе анализа аудио- и видеофиксаций коммуникативного взаимодействия в диадах «мать-ребенок» наше исследовательское внимание привлекла одна из наиболее частотных для общения с детьми первого года жизни моделей материнского поведения, имеющая ярко выраженные вербальный и невербальный аспекты: матери уделяют особое внимание определенным частям тела ребенка, акцентируя особыми интонациями, повторами и другими речевыми и неречевыми средствами определенный ряд лексических единиц: *живот, щеки, ноги, кулак, нос, глаза, уши*. Выдвинув предположение о том, что коммуникативное поведение матери, являясь ориентирующим поведением, направлено в данном случае на формирование в когнитивном опыте ребенка системы значимых элементов телесного кода русской лингвокультуры, мы ставили перед собой задачу обоснования данной гипотезы посредством комплексного применения методик лингвистического и паралингвистического анализа.

Культурный код и его разновидности

Понятие культурного кода сложилось в отечественной семиотической традиции, прежде всего, в рамках тартусской школы. Ю.М. Лотман, введя по аналогии с биосферой В.И. Вернадского понятие семиосферы, определил последнее как «все присущее данной культуре семиотическое пространство» [Лотман, 1999, с. 165]. Исследователь неоднократно отмечал тот факт, что культура насквозь пропитана семиозисом, представляя собой стереоскопическую систему, формируемую сложным переплетением языков (кодов): «Внешний мир, в который погружен человек, чтобы стать фактором культуры, подвергается семиотизации – разделяется на область объектов, нечто означающих, символизирующих, указывающих, т.е. имеющих смысл, и объектов, представляющих лишь самих себя» [Там же, с. 178]. В качестве отдельных языков кода культуры рассматриваются элементы топоса города [Топоров, 1995], моды [Барт, 2003], танца [Бокадорова, 2001]. В отечественной лингвокультурологии принято определение культурного кода как системы знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов, доступных «считыванию» носителями данной культуры и языка [Гудков, Ковшова, 2007, с. 9]. Бессознательный характер усвоения и актуализации данных смыслов подчеркивается известным зарубежным культурологом и семиотиком К. Рапай [Rapaille, 2007].

Выделяя номенклатуру из таких культурных кодов, как соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный, В.В. Красных отмечает наиважнейшую роль первого из перечисленных кодов в силу его древнейшего характера [Красных, 2001, с. 5]. Добавим к числу доводов в пользу первичности соматического кода когнитивную релевантность телесного опыта, убедительно доказанную антропоцентрическими исследованиями последних десятилетий – познание «через тело» осуществляется как на уровне перцепции и апперцепции, так и на уровне семиотизации окружающего мира.

В свое время Дж. Гибсон в пионерской работе «Экология зрительного восприятия» лаконично и просто сформулировал несколько оснований когнитивно-экологического подхода к объяснению зрительного восприятия, постулируя, что органом зрения является не глаз, а система, в состав которой входят глаз, голова и тело, способное передвигаться по земле [Gibson, 1979]. Тело, по мнению М. Мерло-Понти, создает свое пространство, в котором собственно человек чувствует, действует и взаимодействует с другими. Даже если универсальная форма пространства есть то, без чего для нас не существовало бы пространства телесного, она не есть то, посредством чего последнее существует [Мерло-Понти, 1999, с. 141]. Именно положение тела определяет свойства и сущность воспринимаемого, так как перцепция внешняя и перцепция собственного тела две стороны одного и того же акта. В сущности, «каждое из так называемых свойств – красное, голубое, цвет, звук – находится в рамках определенного поведения» [Там же, с. 268], то есть – в рамках определенного положения тела, определенной моторики. По мнению Ж. Пиаже, наследственным является лишь функционирование интеллекта, которое порождает структуры только через организацию последовательных действий, осуществляемых над объектами [Пиаже, 1983, с. 90]. Именно в сенсомоторных схемах находятся исходные элементы логико-математического мышления, необходимого для полноценного когнитивного развития человека. По Пиаже, сенсомоторные схемы лежат и в основе механизма символизации, и в конечном итоге, составляют необходимое условие освоения ребенком языка [Пиаже, 1983]. Сенсомоторный интеллект имеет определенную логику – логику действий, в то время когда у ребенка нет еще ни мышления, ни представления, ни языка. В зарубежной когнитивной науке относительно недавно возникло такое направление исследований, как «воплощенная когниция», основной постулат которого заключается в том, что ментальные структуры и процессы, называемые в сово-

купности человеческой когницией, имеют, с одной стороны, частично врожденный, а с другой – приобретаемый в жизненном опыте характер. Своего рода коммутатором, превращающим внешние воздействия во внутренние по отношению к мозгу и нервной системе человека, является тело, которое всегда находится в пространстве, в движении [Пиаже, 1983а, с. 46]. Естественно, что, имея перво-степенное когнитивное значение, тело человека образует дополнительную семиотическую систему в рамках определенного национально-лингво-культурного сообщества.

Проблема изучения телесного кода культуры в лингвистических штудиях

Проблематика культурных смыслов различных аспектов телесности является одним из актуальных направлений гуманитарных исследований. Так, в работах Г.Е. Крейдлина подробно описаны социальные смыслы невербального поведения мужчин и женщин, невербального поведения в ситуации агрессии, семиотические функции позы [Крейдлин, 2001; 2005]. Как особого рода семиотическая система исследовалась система соматических знаков классического балета [Бокадорова, 2001], где элементы экзерсиса – особого рода двигательные синтагмы – кодируются вербальными символами. Собственно в лингвистическом контексте широко описаны соматизмы во фразеологии русского [Ковшова, 1996], немецкого [Архипкина, 2007], английского языков [Сайфи, 2008]. Авторами отмечается, что наименование тела человека в целом, его внешних и внутренних частей и органов входят в компонентный состав многочисленных фразеологизмов, с помощью которых человек описывает окружающий мир, пространство, время, внешние качества и внутренние свойства человека, деятельность, поведение, чувства и оценки. Однако в семиосферах различных культур роль и место частей тела в системе знаков телесного кода существенно отличаются. В связи с подобной вариативностью открытым остается вопрос о том, где и когда начинает формироваться в онтогенезе телесный код культуры: коррелирует ли данный код в большей степени с языковым кодом и связан с процессом усвоения фразеологического фонда языка, либо корреляции телесного кода с другими кодами и субкодами культуры более сложны, а формирование его начинается значительно раньше, нежели овладение фразеологическими единицами?

Стремясь приблизиться к ответу на поставленный вопрос, мы обратились к комплексному анализу одного из сегментов коммуникативного поведения матери в диаде «мать-ребенок» – практике общения, которую мы назвали практикой формирования позитивного отношения к собственному телу. Под практикой общения мы понимаем подсознательно формируемую у членов определенного сообщества в процессе социализации матрицу межсубъектного взаимодействия, представляющую собой сцепление актов вербальной, телесной и нейронной активности, ориентирующее партнера по взаимодействию на определенную аффективно окрашенную, социально релевантную, предвосхищаемую другими членами сообщества форму поведения, способную иметь, в том числе, и вербальную объективацию. Таким образом, в качестве критерия выделения той или иной практики общения рассматривалась модель социального поведения, которая просматривалась в ориентирующем поведении матери и подчиняла себе вербальные, паравербальные и невербальные ее составляющие.

Особенности воплощения телесного кода русской культуры в «материнском языке»: практика формирования у ребенка позитивного отношения к собственному телу

В качестве конкретных параметров описания каждой практики общения, и практики формирования у ребенка позитивного отношения к собственному телу в том числе, мы использовали следующие:

Вербальные параметры:

- интонационная модель (мелодика, тембр, сила голоса);
- фонетические явления (палатализация, веяризация и др.);
- лексическое наполнение (лексико-семантические группы, типы номинаций и самономинаций),
- грамматические особенности на уровне морфологии и синтаксиса.

Невербальные параметры:

- жесты;
- мимика;
- движение глаз, взгляда;
- сенсомоторная динамика (поза, характерные движения тела).

Параметры материального субстрата:

- кол-во и материальные характеристики объектов, присутствующих в процессе общения матери с ребенком;
- функции данных объектов во взаимодействии.

Субъектные параметры:

- количество и статус субъектов, принимающих пассивное либо активное участие в интеракции в диаде «мать-ребенок»;
- функции данных субъектов в ориентирующем поведении матери.

Рассмотрим, следуя предложенному алгоритму анализа, коммуникативное поведение матери в рамках практики формирования позитивного отношения к собственному телу.

Вербальные параметры. Интонация.

Рассмотрим следующие примеры:

- (1) (диада № 32: мама 24 года, сын 3 мес.; мама делает ребенку массаж)
/ вот они наши ножки/ вот они наши ножки/ хорошие такие ножки/

Мелодический рисунок в нижней половине рис. 1, представляющий собой фиксацию понижения и повышения высоты звука (овалами обведены сегменты, соответствующие словоформе *ножки*) свидетельствует о том, что лексема, обозначающая часть тела ребенка, произносится на мелодических вершинах.

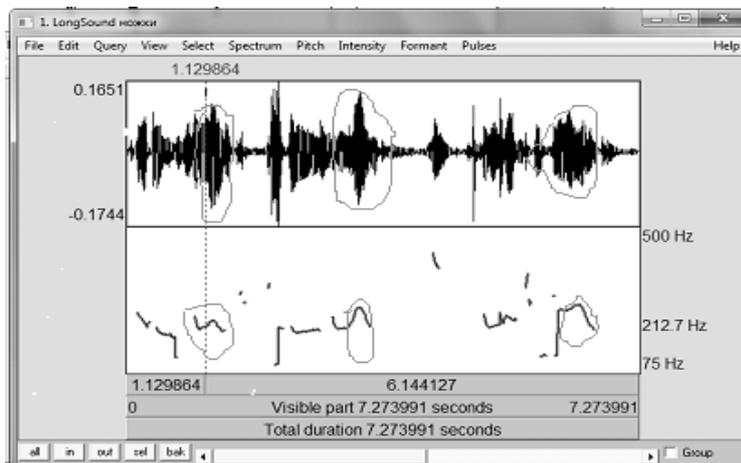

Рис.1. Осцилограмма и мелодический рисунок примера 1.

Что касается динамического рисунка фразы матери, обращенной к ребенку, то здесь следует отметить, что та же словоформа *ножки* произносится на динамическом пике с наибольшей силой голоса (овалами на рис. 2 отмечены сегменты динамического рисунка, соотносимые с данной словоформой).

(2) (диада № 19: мама 33 года, дочь 6 мес.; мама умывает ребенка на пеленальном столе)

/ три щечки/ где наши щечки/

Динамический рисунок (рис. 3) свидетельствует о том, что словоформа *щечки* при первом произнесении находится на ярко выраженной динамической вершине, т.е. произносится заметно громче и дольше, чем другие сегменты высказывания.

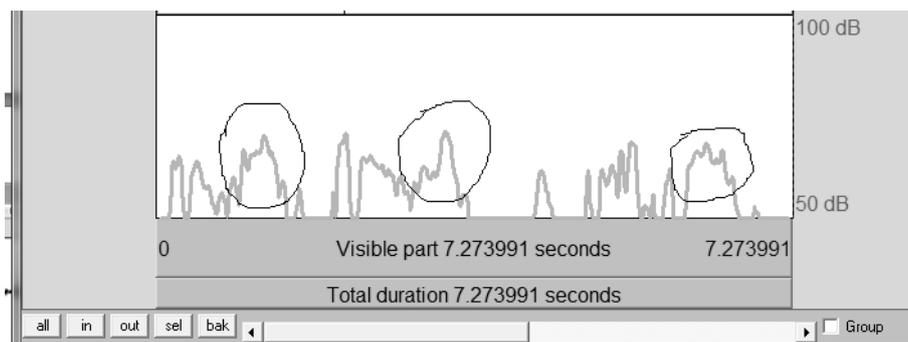

Рис. 2. Динамический рисунок примера 1.

Будучи произнесена во второй раз, словоформа *щечки* потеряла в стабильности силы голоса: громкостью отличаются только инициальная и финальная части данного сегмента. Можно предположить, что изменения динамической модели в данной части высказывания связаны с тем, что мать не была полностью сконцентрирована на ребенке, а отвлеклась на манипуляции с принадлежностями для умывания.

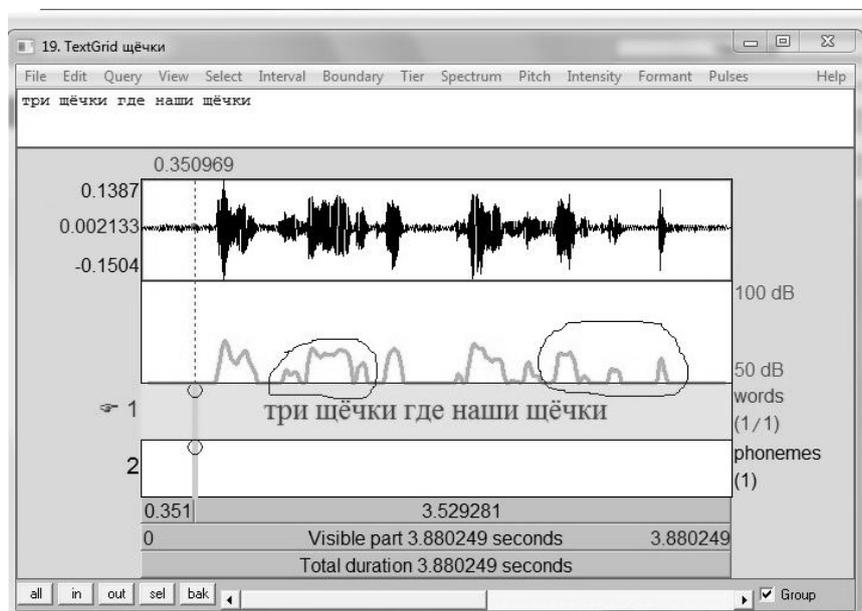

Рис. 3. Осциллограмма и динамический рисунок примера 2.

Что касается мелодики, то в примере 2 словоформа *щечки* произносится в первом случае стабильно ниже, чем все другие сегменты, а во втором случае мы

видим (рис. 4), что анализируемая словоформа маркирована самыми низкими для данного мелодического рисунка точками (начало сегмента), а также самой высокой точкой (средняя часть сегмента).

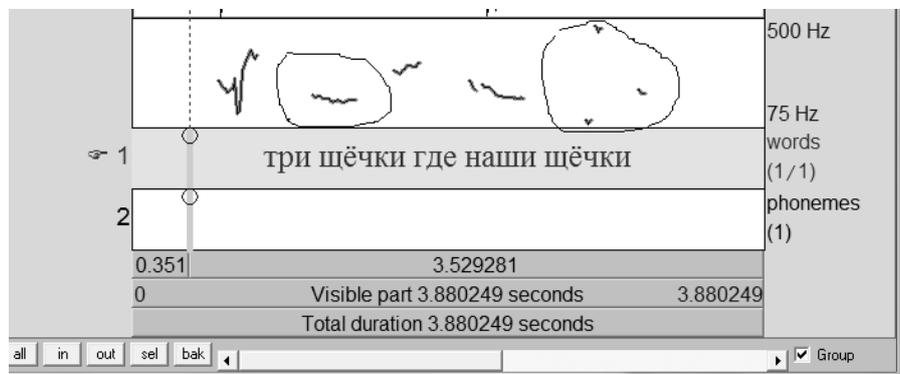

Рис. 4. Мелодический рисунок примера 2.

Таким образом, делая вывод об интонационных особенностях речи матери в рамках обсуждаемой практики, следует отметить, что словоформы лексем, обозначающих части тела ребенка, произносятся матерями, как правило, 1) на динамических пиках и мелодических вершинах, т.е. громче и выше, чем все остальные сегменты; 2) медленнее, чем другие сегменты (как мы видим на рис. 1–4, звучание данных словоформ линейно занимает несколько больше места, чем другие сегменты). В нашем исследовательском материале встретилось 20 высказываний матерей, которые мы отнесли к реализации практики формирования у ребенка позитивного отношения к собственному телу. Все они были характерны для речи матерей, обращенной к ребенку на доречевом этапе онтогенеза (в нашей выборке – 8 диад, в которых возраст ребенка варьировал от 2 мес. до 10 мес.). Для 18 из 20 высказываний был характерен мелодический и динамический рисунок, зафиксированный нами для примера 1. В двух случаях, включая пример 2, для интонации были характерны особенности, выявленные нами на примере 2: общий низкий тон произнесения словоформы-названия части тела при высоком уровне силы голоса. В последних двух случаях матери отвлекались на другие действия, теряя на несколько секунд контакт «глаза в глаза» с ребенком.

Фонетические явления.

Для анализируемой практики с точки зрения фонетики характерны такие явления, как палатализация и замена переднеязычных небно-зубных согласных переднеязычными зубными при произнесении словоформ лексем-названий частей тела. Так, *ножки* (пр.1) произносятся как [н'јо:ж'к'и] – заметна, в принципе, ненормативная палатализация всех согласных, являющаяся результатом дополнительного (к основной артикуляции) подъема средней части языка к твердому небу. Как следствие смягчения согласного перед [o] между согласным и гласным появляется небольшой глайд [jo]. Аналогичный фонетический процесс происходит и при произнесении словосочетания *носик курносый* (пр. 3) – [н'јос'ик кур'н'јос'иј].

(3) (диада № 16: мама 22 года, дочь 8 мес.; мама разговаривает с ребенком, лежащим на кровати)

/это чей такой носик курносый а/

Передвижение согласных из переднеязычных небно-зубных в переднеязычные зубные зафиксировано для щелевых и аффрикат: ж→з' [з'ивот'ик] (пр.4); ш'→с' [с'јот'к'и] (пр.2, 6); ч→т' [кулат'јок] (пр.7):

(4) (диада № 27: мама 22 года, сын 10 мес.; мама делает массаж)

/ ой какой зивотик/ ой наш зивотик/ такой хороший зивотик/;

(5) (диада № 35: мама 24 года, дочь 3 мес.; мама разговаривает с ребенком)

/ой какие сечки/.

(6) (диада № 6: мама 23 года, сын 3 мес.)

/чей кулатек такой кусный/ (чей кулачок такой вкусный).

Лексическое наполнение.

Лексическую основу данной практики составляют существительные, обозначающие части тела человека: *нос, уши, глаза, щеки, ноги, кулак, живот*. Именно данные части тела акцентировались матерями в нашей выборке. Названия частей тел часто сопровождаются оценочными эпитетами – общеоценочными (*хороший* – пр. 1, 4) и частнооценочными: эстетической оценки (*красивый* – пр. 9), сенсорно-вкусовой (*вкусный* – пр. 6.) [Арутюнова, 1998, с. 198]. Характерно то, что ласковый тон матери, доброжелательный взгляд маркируют некоторые прилагательные как положительно-оценочные, в то время как, будучи употреблены в другом контексте, они могут приобрести прямо противоположное оценочное значение – *курносый, хомячий*. Назовем такие прилагательные контекстуальнооценочными (пр. 3, 7):

(7) (диада № 35: мама 24 года, дочь 3 мес.; мама разговаривает с ребенком)

/ой чьи это такие хомячьи сечки/.

Еще одной характерной лексической особенностью, которую можно заметить и в других практиках материнского общения, является частое употребление притяжательных местоимений *наш/ наши* (пр.1, 2, 4): *наши ножки, наши щечки, наш зивотик*. Отметим также частое употребление указательного местоименного прилагательного *такой* (пр. 1, 3, 4, 6, 7, 9) и восклицательного местоименного прилагательного *какой* (пр. 4, 5), а также междометия *ой* (пр. 4, 5,7), выражающего удивление, указательных местоимений *вот, это* (пр. 1, 3) и вопросительных местоимения *чей* (пр. 3, 6, 7), *у кого* (пр. 9), *где* (пр. 2).

(8) (диада № 19: мама 33 года, дочь 6 мес.; мама умывает ребенка на пеленальном столе)

/вот какие у нас теперь ушки/теперь хорошо будет слышать Катюшка/

(9) (диада № 42: мама 32 года, дочь 7 мес.; мама умывает ребенка)

/у кого такие глазки красивые/ глазки такие/.

Таким образом, лексическое наполнение выводит на первый план следующий кластер концептуальных признаков: указание-демонстрация, часть тела, эмоция удивления-радости, актуализация категории владения (*чей? У кого?*).

Грамматические особенности на уровне морфологии и синтаксиса.

С точки зрения морфологии характерным является преобладание именных частей речи: местоимений, прилагательных, существительных. В синтаксической структуре можно отметить наличие «каскадного» высказывания: высказывание с небольшими видоизменениями повторяется несколько раз (иногда до 5–6 раз) – пр. 1, 4, 9.

Невербальные параметры.

Наиболее характерными являются жесты касания. Мать притрагивается к частям тела ребенка, при этом смотрит на ребенка и ласково называет эти части тела. Данное взаимодействие практически всегда сопровождается невербальными коммуникативными жестами: поцелуй той части тела, о которой идет речь; контакт «глаза в глаза», при этом мать вытягивает губы вперед, делая их «трубочкой» и ритмично поворачивает голову из стороны в сторону либо поднимает и опускает подбородок. Положительная реакция ребенка (улыбка, взгляд на мать) поощряется ее ласковой улыбкой, поцелуем.

Параметры материального субстрата.

Как правило, в рамках данной практики общения материальный субстрат играет незначительную роль. Если какие-либо объекты используются матерью, то это, как правило, предметы ухода – ватные палочки, ватные тампоны, детский

крем. Все эти объекты непосредственно прикасаются к телу ребенка, вызывая тактильные ощущения.

Субъектные параметры.

Во всех зафиксированных нами случаях взаимодействие осуществлялось исключительно внутри диады, наблюдатель не участвовал во взаимодействии, на него ни мать, ни ребенок не обращали внимание, либо мать сама осуществляла аудио- или видеофиксацию.

Обобщая, отметим, что все вышеописанные параметры взаимодействия служат формированию у ребенка любви к себе, к собственному телу, к материальному «вместилищу» собственного индивидуального «Я». При этом маркируются наиболее релевантные для данной культуры части тела: глаза, щеки, нос, уши, кулак, ноги, живот. Данный набор маркеров телесного кода русской культуры требует определенного обоснования.

Скажем, если для языковых единиц *глаза*, *ноги*, доказательная база очевидна: сравнение статистических данных о частотности употребления данных лексем в материалах Национального корпуса русского языка [НКРЯ] по сравнению с другими лексемами-названиями частей тела человека (были заданы такие лексемы, как *глаза*, *уши*, *нос*, *щеки*, *руки*, *брови*, *ноги*, *живот*, *кулак*, *лоб*, *подбородок*, *пальцы*) указывают на то, что данные три лексемы являются наиболее частотными: *глаза* – 101 949 употреблений, *ноги* – 39 641 употребление (для сравнения: *спина* – 2144 употребления).

Исследователи фразеологии [Гудков, Ковшова, 2007, с. 160] отмечают, что глаза символизируют в русской культуре 1) зрение, 2) внимание, направленное на тот или иной объект, 3) знание, опыт, 4) искренность / неискренность, 5) меру полноты, избыточности чего-либо, 6) магическую силу. Глаза, таким образом, являются «выходом», через который внутренне «Я», душа человека соприкасается с энергетикой внешнего мира. Просмотренные нами сайты брачных объявлений свидетельствуют о том, что характеристика глаз, наряду с указанием цвета волос и роста, является обязательным компонентом самоописания независимо от пола. Что касается ног, то данные части тела являются важнейшими «средствами» сенсорного взаимодействия с окружающим миром и, своего рода, социальными инструментами, поскольку большая часть номенклатуры единиц жестового кода культуры обеспечивается за счет движения рук и ног. Показательно то, лексемы *глаза* и *ноги* входят в тот узкий круг лексем-названий частей тела (лексемы *глаза*, *руки*, *ноги* и *волосы*), которые в русском языке способны сочетаться с существительным *уход*: *уход за ...*. Так, статистические данные, полученные по запросу в поисковой системе Google, свидетельствуют о том, что синтагма *средства ухода за глазами* зафиксирована в массиве данных 2 310 000 раз (2-е место *после средства ухода за кожей*), *средства ухода ногами* – 1 560 000 раз (4-е место по частотности *после ...ухода за волосами*, но анализируемая синтагма оказалась более частотной, чем *...ухода за руками*). Таким образом, глаза и ноги можно классифицировать как эстетически и функционально значимые элементы телесного кода русской культуры.

Лексемы же *уши* и *живот* способны сочетаться с существительным *лечение*, но не *уход*. В толковых словарях русского языка *лечить* трактуется как ‘принимать меры к выздоровлению, к прекращению болезни’ [ТСРЯ], а *ухаживать* – как ‘иметь попечение о ком-чем-н., заботиться о ком-чем-н., оказывая помощь, необходимые услуги’ [ТСРЯ]. Следовательно, живот и уши являются функционально значимыми элементами в телесном коде русской культуры, поскольку они должны правильно функционировать, иначе их приходится лечить, а постоянно уделять им внимание (попечение) не нужно. Анализ фразеологизмов с лексемой *уши* [Гудков, Ковшова, 2007, с. 276] также свидетельствует о сугубо функциональной роли данного органа в языковой картине мира: выделяются такие основные значения, как: 1) слух, 2) метонимическое расширение первого – рассеянность, до-

верчивость, 3) как символ телесного верха выступает мерой полноты, избыточности, 4) насилие над личностью и здравым смыслом (*тянуть за уши*).

Что касается лексемы *нос*, то обозначаемый ею орган занимает особое место в телесном коде русской культуры, являясь 1) знаком границы внутреннего пространства человека; 2) символом обмана; 3) заместителем человека вообще; 4) символом чувственного восприятия мира, ассоциируясь с фаллосом и телесным «низом» [Гудков, Ковшова, с. 238].

Щеки же являются показателем здоровья и эмоционального состояния человека. Они являются своеобразным открытым пространством, на котором, как на сенсорной панели (прибегая к технологической метафоре), доступны функции отображения, манифестации важнейших внутренних процессов – *раскраснелись, вспыхнули, разругались, надулись, набухли, ввалились, тряслись* (сочетаемость – по конкордансу НКРЯ) – а также функция пространства социального контакта – *коснуться щеки, поцеловать в щеку, щекой тереться, слизнуть со щеки, не отрывать щеки*.

Анализ сочетаемости лексемы *кулак* по данным НКРЯ позволяет предположить, что в телесном коде русской культуры данный элемент тела человека (а, может быть, и жест) имеет значение средоточия внутренней энергии человека – *собрать волю / силы / кишки / обиду / горечь / решимость в кулак*, – размер которой чем больше, тем лучше (*большой кулак, нарастить кулак*), а ее демонстрация является социальным жестом, имеющим большую силу влияния (*ударить кулаком, показать кулак*).

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что в рамках проанализированной практики мать формирует у ребенка приятие и осознание ценности таких социокультурно маркированных точек в пространстве его тела, как маркер границы внутреннего пространства человека – нос, маркер концентрации внутренней энергии – кулак, показатель внутреннего состояния и плоскость социального контакта – щеки, функционально важные органы – живот и уши, важные функционально и входящие в стандарт внешней красоты – глаза и ноги. Таким образом, мы получили определенные доказательства в пользу утверждения о том, что телесный код культуры входит в сложную систему, включающую многие другие коды, и формируется в практиках коммуникативного взаимодействия в рамках социума, в частности – на доречевом этапе онтогенеза в процессе общения с матерью.

Литература

- Архипкина Л.В. Немецкие ФЕ с компонентами-соматизмами в лингвокогнитивном и культурном аспектах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
- Барт Р. Система моды. М., 2003.
- Бокадорова Н.Ю. Опыт описания классического балета как семиотической системы // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001. С. 565–579.
- Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М., 2007.
- Ковшова М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
- Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык. Сознание. Коммуникация. М., 2001. С. 5–19.
- Крейдлин Г.Е. Риторика позы // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001. С. 207–217.
- Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М., 2005.

- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999.
- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. (Дата обращения – 25.02.2012).
- Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Семиотика. М., 1983. С. 90–101.
- Пиаже Ж. Схемы действия и усвоение языка // Семиотика. М., 1983а. С. 133–136.
- Сайфи Л.А. Концептуализация соматического образа человека в языке и дискурсивных практиках: на материале современного английского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2008.
- Толковый словарь русского языка / Под. ред. Д.Н. Ушакова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый%20словарь%20Ушакова>. (Дата обращения – 25.02.2012).
- Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 259–367.
- Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburg, 2006.
- Gibson J.J. An ecological approach to visual perception. Boston, 1979.
- Rapaille C. The culture code: an ingenious way to understand why people around the world live and buy as they do. Broadway Books, 2007.